

Домашние духи-«хозяева» в севернорусском и норвежском фольклоре (типологические аспекты)¹

Наша статья посвящена исследованию представлений о духе-«хозяине» дома (домовом и *ниссе*) в народной культуре Архангельской области России и Северной Норвегии. Существование данных представлений в современной фольклорно-речевой практике подтверждают публикации полевых материалов, сделанные в последние годы, и материалы наших экспедиций в различные районы Архангельской области в период с 1990 по 2012 гг. и в Северную Норвегию (Финнмарк и Тромсе) в 2006-2007 гг.

Изучением семантики и функционирования образов домашних духов-хозяев занимались исследователи: в Норвегии – Ю.К. Квигстад, Т. Стьюорд, С. Солхейм, Л. Старк, и др.², в России – Д.К. Зеленин, Э.В. Померанцева, В.П. Зиновьев, М.Н. Власова, Н.А. Криничная, Е.Н. Рачинская, И.А. Разумова, Н.В. Дранникова³.

Источники нашего исследования можно разделить на несколько групп:

- полевые записи, хранящиеся в архиве Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова (далее – ЦИТКЕС САФУ);
- сборники фольклорных текстов Н.В. Дранниковой и И.А. Разумовой, Ю.К. Квигстада, Т. Стьюорда, Л. Старка, Е.Н. Рачинской⁴;
- словари (мифологические, этнокультурные и диалектные);
- фольклористические, этнографические труды авторов, которые публикуют и цитируют интересующие нас тексты (труды С.В. Максимова, П.С. Ефименко, Д.К. Зеленина и др.⁵).

Работа выполнена в рамках синхронно-диахронного подхода к анализу исследуемого материала, записи которого охватывают более чем полуторазековой период. Первая фиксация мифологических рассказов в России была сделана в

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №11-14-29009 "Фольклор Архангельского Поморья как этнокультурный феномен")

² Qvigstad J. Pollan B. Samiske beretinger / innledning, kommentarer og språklig bearbeidelse ved Brita Pollan: I utvalg fra J.K. Qvigstads Samiske [i.e. Lappiske] eventyr og sagn I-IV, Oslo, 1927-1929, Oslo, 1997; *Storjord T. Lulesamiske eventyr og sagn // Bodo Lærerhøgskoles Skriftnserie*. Bodø, 1991. № 2; *Solheim S., Underjordsfolk // Norveg*. 1973. № 16. S.148–333; *Stærk L. Eventyr og sagn fra Sør-Varanger?, Kárášjohka Davvi Girji*. 1994.

³ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Вступ. статья Н.И. Толстого; подгот. текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской., М., 1995; *Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985; *Зиновьев В.П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974; *Власова М.Н.* Русские суеверия: Энцикл. слов. СПб., 1998; *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов: В 3 т. СПб.: Наука, 2000 (т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах»); *В стране троллей*. Кто есть кто в норвежском фольклоре / Сост. Е.Н. Рачинская, перевод с норвежского Н. Кулиниченко, С. Высоцкая, Д. Солдатова, Л. Амеличева и др., М.: ОГИ, 2008; *Мифологические рассказы Архангельской области / Сост., авт. вступ. ст., комм. Н.В. Дранниковой, И.А. Разумовой; авт. подгот. текстов, указателей, словаря Н.В. Дранниковой., М.: ОГИ, 2009.*

⁴ *Мифологические рассказы Архангельской области....*; Qvigstad J. Op.cit.; Stærk, L. Op.cit.; Storjord T. Op.cit; В стране троллей...

⁵ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903; *Зеленин Д.К.* Указ. соч.

1856 г. С.В. Максимовым, последние записи относятся к началу XXI в. Первые записи норвежских рассказов о *ниссе* появились в 1841 г. и были опубликованы П.К. Асбернсенем в книге «Норвежские народные сказки и народные предания»⁶. Последние записи были сделаны нами во время двух выше указанных фольклорных экспедиций в Северную Норвегию.

По отношению к рассказам о контактах человека с духами-«хозяевами» в русской науке используются термины «устный рассказ», «мифологический рассказ», «быличка», «демонологический рассказ». В Норвегии подобные рассказы называются сагн /sagn. Они являются сюжетно-оформленными историями или информативно-описательными текстами, повествующими о персонажах, наделённых демонической сверхъестественной силой, которых принято также называть представителями «нижней мифологии» или «нечистой силы».

В процессе сравнения духов-«хозяев» мы опирались на следующие признаки: название (номинация), происхождение, внешний облик, места обитания, время появления, статус, функции и отношения с человеком.

В Норвегии название духа-«хозяина» дома и придомовых территорий – *ниссе* (*nisse*). Основное название данного мифологического персонажа может варьироваться и присоединять к себе другие слова, манифестирующие его особенности. Ещё одно наименование *ниссе* – *тункалл* (дворовой мужичок). В группу имён, генетически связывающих норвежского домового с духом умершего предка, входит название *хаугбонд* (*haugebonde*) – «бонд из кургана», также встречаются номинации: *тамтегуббе*, *губонд* (*godbonde*) – «хороший бонд»⁷. *Bonde* в переводе с норвежского означает «фермер», «хозяин земли»⁸.

В архангельской традиции домовый чаще всего получает название по месту обитания («домовой», «хозяин дома»). В книге Н.В. Дранниковой и И.А. Разумовой⁹ присутствует 23 номинации домового, среди которых – *домовеюшко-батюшко* [№ 132, леш.], *жихарь* [№ 133, плес.], *ботамушко*, *дедушко-соседушко* [№ 134, уст.], *дедушка* [№ 140, пин.], *ботаманушко* [№ 149, красnob.], *домовеюшко* [№ 146, уст.], *доможидушко* [№ 147 пин.]. Зафиксированы табуированные номинации домового: *сам* [№ 185, онеж.], *он* [№ 187, пин.] и др. Названия домового отличаются в разных ареалах Архангельской области (например, в Устьянском районе – *ботамушко*, в Плесецком районе – *жихарь*). Высока степень эвфемизации в названиях *дедушко-соседушко*, *хозяин домовый*, *хозяюшко*. Семантика названия «домовой» связана со словом «дом», но в ряде текстов сужается (*голбешник*, *запечник*). Существует номинация *кутамушко-мутамушко*, образованная от слова «кут» - угол крестьянской избы¹⁰. Наряду с мужским образом домового существуют женские парные соответствия этому персонажу: в одних случаях - это жена

⁶ Там же.

⁷ В стране троллей... С. 95.

⁸ Lindow J. Op. cit.. S. 82.

⁹ Здесь и далее русские примеры текстов приводятся по книге «Мифологические рассказы Архангельской области...», поэтому ссылка на саму книгу даваться не будет, указываются только номера текстов и их территориальное распределение.

¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х т. М.: Издательский дом «Рипол классик», 2002. Т. 3. С. 230.

и дочь домового, в других – мифологические хозяйки дома, *домовихи и суседки* [№179]. В норвежском фольклоре подобного явления не наблюдается.

Основное сходство номинаций домового и *ниссе* в архангельской и норвежской традициях проявляется через топосы дома или домашнего пространства, уважительное отношение к данному персонажу (в русской традиции оно передается через префиксы (-ко, -ушко, -ейко), в норвежской – через эпитеты (хороший, добрый и др.).

Обычно русский домовый считается умершим членом семьи, первопредком рода, который за грехи назначен Богом в услужение живым домочадцам; умершим без покаяния мужчиной¹¹. В рассказах об отношениях домового и человека прослеживается связь между ним и умершими членами семей [№ 187-193].

Ниссе, как и домовый, по народным верованиям, связан с миром предков. Следует отметить такую особенность норвежской традиции, как наличие родового древа этого персонажа, представленного следующим образом: *древний ниссе* (VII век), хранитель хутора (X век) (в этот же исторический период появляются *корабельный ниссе, лесной и церковный ниссе*), *рождественский ниссе* (XVI век), *домовой ниссе* (XI – начало XXI в.). Определить точное происхождение образа домового сложно, тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении тексты позволяют сделать вывод о том, что этот образ в севернорусской традиции связан как с культом огня/очага (местом его обитания иногда является печь – об этом свидетельствуют названия *печник, запечник*) [№ 142, леш.], так и с культом предков (в фольклорно-речевой практике – это сходство с покойным родственником; одежда домового, напоминающая похоронную, и т.п.): «Стоит, весь в белом, рубаха, пояс, как прямо дед мой, покойный» [№ 185, леш.].

Данный пример свидетельствует о том, что домовый имеет статус *хозяина* – чаще *деда* [№ 187, пин.]. В норвежской традиции этот образ имеет столь же глубокие корни, как и русский. Трансформация от «хранителя» хутора в домового произошла уже в XI веке (ещё одна номинация *ниссе* – «*bonde*», что означает хранитель).

В некоторых севернорусских быличках домовый имеет нулевоморфный облик: он невидим и выступает как предвестник какого-либо трагического события (смерть, пожар и т.д.) [№ 176, мез., 167, пин., 168, холм.]. Чаще домовый имеет антропоморфный облик – это приземистый мужик с большой седой бородой, лохматый, обросший шерстью, с косматыми ладонями и подошвами, с длинными ногтями, короткими ногами [№ 135, пин., 136, конош., 138, пин., 175 мез.]. Зафиксировано появление домового в образе чёрного человека [№ 195]. В доме, где есть мужчины, домовый имеет вид мужчины; если в семье одни женщины и хозяйка дома – женщина, то домовый является в образе женщины [№ 159, прим., 191, холм.]. В устных рассказах домовый имеет и зооморфную ипостась: он предстаёт в виде свиньи, птички [№ 139, мез.], собаки [№ 137, конош.], телёнка [№ 138, пин.], кошки [№ 158] и пр. В архангельской традиции домовый существует в двух ипостасях: первый – живет дома, второй – во дворе и называется *лаской*. На-

¹¹ *Славянские древности...* Т. 2. С. 120.

блюдается устойчивая вера в домового. Подробнее описывают домового-ласку. Этот персонаж оценивается, как правило, негативно, в отличие от домового. Он, по рассказам респондентов, похож на горностая, имеет шерсть, напоминающую по своему цвету яичный желток; появляется в хлеве и на конюшне, мучает домашнюю скотину, заплетает лошадям косички, может загнать её до пота / пены, завивает подстилку из сена. Считается, что избавиться от ласки можно с помощью козла или козлиной шкуры [№ 201– 202].

В норвежских сагах выделяются две ипостаси образа домового / *ниссе*:

- антропоморфная (*ниссе* является перед людьми в образе старика, небольшого роста [с. 95], во многих текстах подчеркивается обилие волос на домовом, цвет его волос обязательно седой, как и цвет бороды, внешность в текстах прописана слабо, возможно, одежда *ниссе* не отличалась от традиционной норвежской одежды хозяина дома. Важной особенностью внешнего облика *ниссе* является наличие четырех пальцев на каждой руке¹² [с. 97],

- нулевоморфная (домовой невидим) [с. 97].

Зооморфная ипостась *ниссе* нами не обнаружена.

Антропоморфность, зооморфность и нулевоморфность являются ключевыми признаками в классификации внешнего вида рассматриваемых мифологических персонажей. В рамках каждой разновидности образа были выявлены общие для двух культур представления о домовом как о седом, небольшого роста старике; лохматом существе, пол которого соответствовал полу хозяина; кошка, собака как зооморфные воплощения образа (только в архангельской рассказе); невидимость домового, знаменующаяся лишь его акустическим присутствием. В архангельской традиции антропоморфность образа представлена шире по сравнению с норвежской (*старик, старуха, чёрный человек, простой мужик, лохматое существо*) [см., например, № 135, пин., 136, мез., 138, пин., 175, мез.].

Представления о локализации архангельского домового часто связываются с печью: он может жить за печкой, на печке, под печкой [№ 140, пин., 151, леш. 181, уст.]; местом его обитания может быть хлев [№ 155, нядн.], погреб [№ 138, пин.], в некоторых текстах есть указание на то, что «власть домового распространяется на все хозяйственные постройки, он в хозяйстве один» [№ 132, леш., 141, леш.].

Локусы, связанные с *ниссе* в доме, – печь, угол дома, чердак. Норвежцы также верили, что *ниссе* имеет свою особую комнату, которую нельзя никому занимать. *Ниссе* может обитать около дома под самым старым деревом, на хуторе [с. 98]. В норвежской традиции происходит отождествление домового и *дворового*, локусы домового во дворе дублируют локусы в доме (углы, сушилка для рыбы, место под деревом) [с. 101]. Локализация духа дома в рассматриваемых традициях, прежде всего, связывается с печью, с культом огня, домашнего очага, но возможны варианты определенного локуса домового: в севернорусской традиции – пространство около печи, подпол, чердак; в норвежской – территории около дома (место под старым деревом).

¹² Здесь и далее норвежские примеры текстов приводятся по книге “В стране троллей...», поэтому ссылка на саму книгу даваться не будет, указываются только номера страниц.

Рассмотрим основные мотивы рассказов о домовом. В архангельских мифологических рассказах домовый имеет статус хозяина дома, покровителя семьи и скота. Он живет в каждом доме, является «сторожем дома» [№ 132, леш., 141, леш.142, леш.]. По народным представлениям, домовый «свой», он не относится к «нечистой силе» [№ 184, холм.], часто он обнаруживает себя акустическим присутствием [№ 176, мез.]. Домовой выполняет все хозяйственные работы: вздувает и поддерживает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ездит за водой, ухаживает за скотом [№ 134, уст., 139, мез.].

Домовой считается хозяином-опекуном скота и птицы в доме, влияет на их здоровье и плодовитость. Если домовый любит скотину, она становится гладкой, сытой, здоровой, плодovitой. Домовой кормит и поит скот [№ 196, 207], подгребаёт корм в ясли, чистит скотину, расчесывает гриву лошади и заплетает косы лошади [№ 194, мез., 204, пин., 205, пин., 207, лен.]. Масть скотины является главным фактором, влияющим на отношение домового к скотине, и если масть выбрана неправильно («не по масти»), то домовый начинает «мучить скотину» [№ 194, мез., 201, пин., 202, пин.].

Один из широко распространённых в быличках мотивов – это предсказание будущего домовым. Предвещая добро обитателям дома, домовый смеётся, гладит мохнатой или тёплой рукой; предвещая печальные события, особенно смерть кого-либо из домочадцев, он воеет, стучит, хлопает дверями [№ 169, красноб., 171, онеж., 172, вел.]. Домовой «давит» спящего человека, предсказывая судьбу человека. В этот момент домовому задается ритуальный вопрос: «К добру или к худу?» [№ 158, уст., 163, пин., 165, пин., 168, холм., 173, пин.], после чего он должен ответить, что предвещает добро, либо будет молчать, что предвещает беду [№ 167, пин., 168, холм.]. Содержание предсказаний определяется ключевыми событиями жизненного цикла человека [№ 165, пин.]. В Северной Норвегии *ниссе* так же, как и русский домовый, следит за тем, чтобы коровы давали жирное молоко, убирает навоз, посыпает опилками пол в хлеву, доит коров и задалает скоту корм. Особенно любят *ниссе* ухаживать за лошадьми: кормят, чистят, расчёсывают гриву [с. 99]. Как и в севернорусской традиции, в норвежских рассказах, если домовый любит скотину, то она становится здоровой, плодovitой, а лошадь получает особый уход. Масть скотины для норвежского домового не имеет значения. *Ниссе* помогают в поле: косят сено, во время уборки хлеба обмалывают зерно. *Ниссе* приходят на помощь в момент опасности, особо помогают хозяину дома [с. 100]. Пиво и сваренная на сливках или молоке каша является для *ниссе* главной наградой за труд (зафиксированы тексты, в которых упоминается ритуальное кормление *ниссе* – всего лишь один раз в год) [с. 101]. *Ниссе* может сам предложить свои услуги по хозяйству (в этот момент он появляется в виде маленького человечка в красной шапке) [с. 100]. В процессе анализа норвежских текстов норвежской мотивов о его семье и его функциях «вещуна» не зафиксировано. Часто в текстах указывается на необходимость соблюдения определенных правил в отношении *ниссе* (нельзя громко ругаться, притрагиваться к пище домового и т.д.) [с. 106].

В архангельской традиции отношения в семье и её благополучие зависят от расположения к ней домового. Прежде всего, это проявляется в соблюдении домашнего этикета, ритуальной практики «приглашения» домового при перемене жилища. Несоблюдение этой практики имеет отрицательные последствия [№ 144-150]. Домовой следит за порядком и местонахождением членов семьи, охраняет свой локус от вторжения как «чужих» людей, так и членов семьи; считается, что у домового следует просить разрешения на вход в дом [№ 151, леш., 152, прим., 155, нянд.]. Находясь в чужом доме, человек также должен соблюдать этикет в отношениях с домовым: он должен просить у него разрешения остаться или использовать для этого ритуальный вопрос. В текстах, имеющих этот мотив, домовый не является «вещуном» [№ 157-158, уст.]. Зафиксированы редкие сюжеты о том, как домовый не пускает женщину замуж [№ 188, пин.] и как домовый помогает человеку освободиться от тоски по умершему члену семьи [№ 192, онеж.].

В норвежской традиции существует ритуальная практика не только «приглашения» домового на новое место, но и приглашение *ниссе* от одного хозяина к другому на более «выгодных условиях» [с. 106]. Можно передать *ниссе* «от брата к брату», а можно выйти на перекрёсток дорог и позвать *ниссе* к себе [с. 103]. По различным причинам (плохое отношение к домашнему духу, отсутствие приношений и т.д.) домовый может выжить хозяина из дома, прогнать «чужого» человека, если он занял его локальное пространство [с. 98]. Благополучие в семье во многом связывалось с ритуальным «наказыванием ссорящихся», поэтому несоблюдение различных правил также наказывалось. Зафиксированы тексты, где хозяин обижает *ниссе* «словом» и после этого *ниссе* покидает дом [с. 106–107].

Подведем некоторые итоги. Наше исследование углубляет существующие в науке представления о традиционной культуре двух соседних стран – России и Норвегии. Анализ мифологических рассказов приводит нас к следующим выводам. Образ домового в севернорусской этнокультурной традиции типологически сходен с образом *ниссе* в норвежской традиции по ряду признаков и функций:

- по принципу номинации (данные наименования образованы как от топоса дома и его внутреннего пространства, так и от статуса хозяина дома);
- по локализации домашнего духа;
- по типам связи с жизнью хозяина дома;
- домовый и *ниссе* выполняют функцию покровителя семьи.

Можно говорить и о схожести генезиса обоих образов.

Однако образы домового и *ниссе* в данных фольклорных традициях имеют свои дифференциальные признаки, такие, как способы образования номинаций (префиксы / эпитеты), сохранение их в современной ритуальной практике, влияние природных условий и условий быта населения на локализацию домового, различная номинация локусов домашнего духа и различие функций персонажа и их выполнения / невыполнения на исследуемых территориях, а также различное отношение домового к членам семьи, связанное с домашним этикетом, сохранностью ритуальных практик на данных территориях.

Представления о домашних духах-«хозяевах», сложившиеся в ходе познавательной и хозяйственной деятельности человека (как в севернорусской, так и в норвежской культуре) стали одним из основополагающих в его мировоззрении: культ предков, топос дома как сакральное / почитаемое место. Олицетворением этих мировоззренческих элементов в русской культуре стал домовый, в норвежской – *ниссе*. Сопоставление структур мифологических рассказов приводит нас к выводу о том, что специфика текстов обнаруживается на уровне тематики, обусловленной различием мифологических представлений русского и норвежского народов. Сопоставление духов-хозяев» дома показало, что персонаж и связанный с ним круг представлений изоморфен формам практики, свойственной культуре. Это практика земледельческая, хозяйственная, и вместе с тем социальная, связанная с имущественными отношениями. Именно различие норм и практик лежит в основе тематических различий и функций их персонажей в севернорусской и норвежской фольклорных традициях.

Сделанные нами наблюдения пока только намечают пути к более строгому и детальному изучению региональных особенностей и локальных вариаций традиции мифологического рассказа на Русском Севере, но можно с уверенностью констатировать наличие и характер определенных отличий в тех или иных микроареалах. Отличия эти связаны с целым комплексом факторов: хозяйственно-культурных, ландшафтно-географических, этносоциальных.

Мифологические представления и способ репрезентации соответствующих знаний неотделимы от уровня развития ритуально-магических и других традиционных практик в том или ином регионе, от степени характера влияния профессиональной культуры («культурного ядра») на народную, от развития и типов семейной культуры, от восприятия СМИ и многого другого, включая не поддающуюся объяснению традицию рассказывания в данной местности, или тип речевой культуры.

Условные сокращения:

конош. – Коношский район Архангельской области

красноб. – Красноборский район Архангельской области (бывший Сольвычегодский уезд Вологодской губернии)

лен. – Ленский район Архангельской области

леш. – Лешуконский район (бывший Мезенский уезд Архангельской области)

мез. – Мезенский район Архангельской области

нянд. – Няндомский район Архангельской области

онеж. – Онежский район Архангельской области

пин. – Пинежский район Архангельской области

плес. – Плесецкий район Архангельской области

уст. – Устьянский район Архангельской области